
Как сегодня должно пониматься уважение к достоинству человека?

© 2020 г.   А.А. Тетёркин

*Белорусский государственный медицинский университет,
Республика Беларусь, Минск, 220116, пр. Дзержинского, д. 83.*

E-mail: andrei.tsiatserkin@gmail.com

Поступила 07.09.2019

Достоинство человека признается ключевой ценностью для этики прав человека. В то же самое время оно считается пустым означающим, у которого нет своего собственного значения. Целью статьи является обнаружение четкого смысла для этого принципа, который должен отличаться от значений других демократических ценностей: справедливость как равноправие, справедливость как честность, автономия, непричинение вреда, благодеяние, забота или уважение к личности. Автор стремится доказать, что уважение к достоинству человека следует понимать как принцип, запрещающий использование человека лишь в качестве средства. Соответственно, достоинство человека не оскорбляется лишь тогда, когда все субъекты извлекают выгоду из отношения взаимной инструментализации. В статье анализируются другие формы объективации субъекта: эксплуатация, насилие, деперсонализация, коммодификация, превращение в объект собственности, принуждение к инертности, отрицание автономии. Автор приходит к выводу, что многие из этих случаев основаны не на неуважении к достоинству человека, а на нарушении других принципов.

Ключевые слова: демократическая этика, достоинство человека, автономия, благодеяние, честность, обращение лишь как со средством, выгода, инструментализация, объективация, эксплуатация, деперсонализация, коммодификация.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-38-50

Цитирование: Тетёркин А.А. Как сегодня должно пониматься уважение к достоинству человека? // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 38–50.

How Should Respect for Human Dignity be Understood Today?

© 2020 Andrei A. Tsiatserkin

*Belarusian State Medical University,
83, Dzerzhinski av., Minsk, 220116, Republic of Belarus.*

E-mail: andrei.tsiatserkin@gmail.com

Received 07.09.2019

Human dignity is acknowledged to be the core value for the ethics of human rights. At the same time, it is considered to be an empty signifier, which does not have its own meaning. The objective of the article is to find a clear sense for this principle which should be different to the meanings of other fundamental democratic values: justice as equality, justice as fairness, autonomy, non-maleficence, beneficence, care or respect for persons. The author argues that we should understand respect for human dignity only as the anti-instrumentalization principle, which prohibits using a human being merely as a means. Accordingly, respect for human dignity is not violated when all subjects derive benefits from the relationship of mutual instrumentalization. In the paper the other forms of the objectification of subjects (exploitation, violence, depersonalization, commodification, ownership, inertness, denial of autonomy) are also analyzed. The author concludes that in the first place many of these cases are based not on disrespect for human dignity, but on the violation of other principles.

Keywords: democratic ethics, human dignity, autonomy, beneficence, fairness, treating as a mere means, benefit, instrumentalization, objectification, exploitation, depersonalization, commodification.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2–38–50

Citation: Tsiatserkin, Andrei A. (2020) “How Should Respect for Human Dignity be Understood Today?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2020), pp. 38–50.

Сегодня категория «достоинство человека» артикулирует внутреннюю ценность (inherent worth, intrinsic value) личности, что гарантируют любому субъекту базовый пакет прав и свобод. Отсюда целью конституций демократических стран и деклараций о правах человека является обеспечение этого важнейшего принципа. Поэтому шок вызывают «околопостмодернистские» замечания о том, что «достоинство человека» – это пустое означающее, у которого нет своего содержания: использование этого термина представляет собой отсылку к другим категориям. Соответственно, целью статьи является ответ на вопрос, можно ли приписать четкий смысл словосочетаниям «право на достоинство» и «уважение к достоинству человека». При этом автор опирается на следующие соображения.

1. Функция терминов – фиксировать смыслы, которые помогают решать проблемы. Для выполнения этой задачи понятие должно обладать ограниченным набором значений. Так, ряд экспертов отмечает, что понятие «достоинство человека» является высшей ценностью, из которой проистекают все остальные [Kuçuradi 2018 web; Schulman 2008, 13]. Уважение к достоинству человека требует тогда уважения ко всем принципам демократической морали и правам человека. Однако если термин обладает десятками значений, то это требует его постоянных уточнений. Поэтому проще сразу отметить, что в этом случае было нарушено право на свободу совести или личную неприкосновенность, нежели бесполезно говорить об оскорблении человеческого достоинства.

Далее, согласно демократической этике уважение к достоинству человека состоит не только в уважении его свободы или благополучия. Оно также заключается в выполнении второй формулировки категорического императива И. Канта, запрещающей обращение с человеком лишь как со средством. Поэтому некоторые требуют, например, запретить занятие коммерческим сексом несмотря на то, что субъекты добровольно выбрали эту деятельность, приносящую им доход. Дело в том, что в этом случае индивиды (якобы) низводятся до уровня инструмента. Получается, что одно и то же действие является моральным и аморальным с точки зрения одного принципа, что указывает на неэффективность стратегии широкого определения достоинства человека.

2. Автор опирается на теории, которые признают плюрализм базовых ценностей. Например, принципализм предлагает следующие исходные принципы: автономия, справедливость, непричинение вреда (non-maleficence), благодеяние (beneficence) [Beauchamp, Childress 1994]. На схожие ценности опирается феминистическая этика: автономия, справедливость, забота [Haker 2003]. М. Кванте предлагает более расширенный список: автономия, свобода (Freiheit), справедливость, равенство, достоинство человека, приватность, солидарность, естественность, неподчиненность (Unverfügbarkeit¹) [Quante 2010, 10]. Соответственно, решение поставленной задачи состоит в том, чтобы показать, что уважение к достоинству человека или не пересекается с уважением к другим принципам или является их важным уточнением.

1. Значение достоинства человека для демократической этики

1.1. Достоинство человека как фундаментальный принцип права и этики

Чтобы оценить масштаб проблемы, связанной с проблематизацией понятия «человеческое достоинство», покажем его ключевую роль для современного права и морали. Во «Всеобщей декларации прав человека» ООН (1948), «Международном пакте о гражданских и политических правах» (1966) и «Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах» ООН (1966) отмечено, что все люди как свободные, разумные и моральные субъекты обладают равным достоинством и поэтому должны обладать всеми фундаментальными правами. На этих идеях основаны многочисленные документы, регламентирующие этическое обращение с человеком [Beyleveld, Brownsword 2002, 12–16]. Например, в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации (1964) в параграфе 9 отмечено, что долгом врачей является защита жизни, здоровья, достоинства, неприкосновенности, права на самоопределение, приватности и конфиденциальности личной информации тех, кто принимает участие в медицинских экспериментах [The Declaration of Helsinki web]. Во «Всеобщей декларации о человеческом геноме и правах человека» ЮНЕСКО (1997) отмечается, что репродуктивное клонирование человека и прочие практики, не совместимые с уважением человеческого достоинства, должны быть запрещены [Beyleveld, Brownsword 2002, 38–41]. «Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека» ЮНЕСКО (2005) настаивает на уважении к человеческому достоинству. Поэтому интересы и благополучие индивида должны обладать приоритетом по отношению к интересам науки и общества (статья 3.2) [Andorno 2009, 228]. В подобных соглашениях категория «достоинство человека» выполняет различные функции. Она артикулирует главную цель подобных документов, является основным оправданием для конкретных норм и наивысшим принципом, который специфицируются отдельными правами. Наконец, эта категория является главным инструментом для противодействия дискриминации и бесчеловечному обращению с людьми [Ibid., 227–234].

Помимо глобальных функций это понятие используется для формулирования стандарта для заботы о пациентах: долг врача состоит не только в лечении, но и в уважении достоинства больного [Andorno, Pele 2015 web, 8–9]. Поэтому нужно не относиться к пациентам как к клиническим случаям и сделать так, чтобы они чувствовали, что их жизнь имеет ценность для окружающих. Эта идея продемонстрирована, например, в фильме «Целитель Адамс» (1998), в котором показано, как важно выслушивать

тревоги больных, смешить их, разговаривать об их интересах и т. д. Схожим образом Р. Дворкин видит реализацию «права на достоинство» тогда, когда созданы условия для формирования у субъекта чувства самоуважения. При этом если право на благодеяние (right to beneficence) требует от нас наилучших действий для реализации интересов другого, то право на достоинство (right to dignity) – элементарных. Например, по отношению к заключенным или душевнобольным обеспечение этого права состоит в том, что они должны проживать в здоровых условиях и не подвергаться унижениям [Dworkin 1993, 233–237].

1.2. Достоинство человека как бесполезный термин

Несмотря на ключевую роль принципа достоинства человека, некоторые эксперты выражают сомнения в необходимости его использования. Так, Р. Мэклин разбирает случаи использования аргументации об уважении/унижении человеческого достоинства: участие в медицинских опытах, эвтаназия (возможность умереть с достоинством), достойное обращение с трупами, неуважение к достоинству человека в случае его клонирования. Во всех этих ситуациях упоминание о достоинстве связано с необходимостью «уважения к личности». А последнее понимается как уважение ее автономии (ее выбора) и добровольного информированного согласия), приватности и отсутствии дискриминирующего и унижительного обращения. Поэтому термин «достоинство человека» не имеет специфической смысловой нагрузки [Macklin 2003].

В свою очередь Д. Бирнбахер приходит к таким же выводам, анализируя критику репродуктивного клонирования человека, которое якобы унижает человеческое достоинство. Однако на самом деле биоконсерваторы имеют в виду, что данная процедура нарушает такой принцип, как «естественность» (ценность процессов, причиной которых не является деятельность человека). Другие же эксперты неприемлемость клонирования видят в том, что в результате этой процедуры обычно рождаются особи с проблемами со здоровьем. Поскольку есть более безопасные способы репродукции человека, то тогда клонирование выглядит как неприемлемое причинение вреда [Birnbacher 2005, 54].

Наконец, если мы обратимся к концепции Дворкина, то его «право на достоинство» требует проявления заботы, которую заслуживает каждый человек. Снова «достоинство человека» не артикулирует ничего нового, что не содержалось бы в других принципах. Следует ли тогда отказаться от «достоинства человека» как слова-паразита? Для начала рассмотрим, какую роль в развитии демократической этики сыграла эта категория.

1.3. Демократическое и недемократическое определения достоинства человека

Согласно этимологии «достоинство» обозначает ценность, отличие, авторитет и причину для восхищения и уважения [Schulman 2008, 6]. В недемократических обществах ценность человека была связана с его социальным статусом, как это образцово показал Т. Гоббс. Философ исходит из подобия людей и вещей: человек и товар схожи тем, что обладают стоимостью, которая определяется пользой для покупателя. В отличие от вещи цена человека формируется его силой (властью), и если таковая велика, то человека нужно уважать (делать подарки, любить...), а если нет, то презирать. Отдельно Гоббс отмечает пользу человека для государства. Это и есть «достоинство», которое состоит в обладании государственными наградами и должностями [Гоббс 1991, 66–68].

В то же время формировались демократические идеи (в христианстве и стоицизме) об абсолютной ценности каждого индивида, получившие особое развитие в Новое время. Например, И. Кант в «Основах метафизики нравственности» указывает на ошибку приравнивания субъекта объекту. В отличие от товара человек не является заменяемым эквивалентом, обладающим внешней и относительной ценностью. Человек – это бесценное существо, обладающее «достоинством»: абсолютной ценностью, которая не зависит от его достижений и власти [Beyleveld, Brownsword 2002, 52–57; Wilkinson 2003, 28–33]. Соответственно, уважение достоинства человека состоит не в почтении его ранга, а в том, чтобы следовать категорическому императиву: не рассматривать

человека лишь как средство (но всегда как цель), не мешать его свободе и взаимодействовать с ним на основании правил, сформулированных в интересах всех людей.

В дальнейшем эти демократические идеи многократно уточнялись. В результате Бирнбахер отмечает пять ключевых прав, которые продвигались с помощью «достоинства человека»: 1) право не подвергаться унижениям; 2) право на минимальную свободу выбора и действий; 3) право на получение помощи в бедственной ситуации; 4) право на минимальное качество жизни и свободу от страданий; 5) право не быть использованным ради чужих целей без своего согласия и с серьезными последствиями для своей жизни. Соответственно, с помощью этих прав осуждались дискриминация лиц на основании их групповых отличий, принуждение, пытки, пропаганда в форме промывания мозгов, отказ в минимальных условиях для физического существования, инструментализация субъекта. Примерами последней являются рабство, продажа людей для несения военной службы, жестокие казни ради потехи диктаторов и толпы [Birnbacher 2005, 51].

Таким образом, понятие «достоинство человека» сыграло огромную роль в демократизации морали и права. Однако сегодня почти все указанные права были подведены под отдельные принципы, из-за чего и возникли разговоры о ненужности этого понятия. Чтобы разобраться с этой критикой, рассмотрим составляющие демократичной нравственности.

1.4. Достоинство человека и ключевые принципы демократической этики

На сегодняшний день отсутствует единственное и непротиворечивое описание демократической морали. Поэтому я предлагаю такой вариант.

1. Справедливость как равноправие и равенство

Согласно эгалитарной версии этот принцип призван обеспечить абсолютную или внутреннюю ценность личности независимо от ее статуса. Это реализуется посредством предоставления каждому индивиду пакета неотчуждаемых прав и обеспечения его приемлемым качеством материальной жизни. Нарушение принципов равноправия квалифицируется как дискриминация (как расизм, сексизм и т. д.).

2. Справедливость как честность (fairness)

Этот принцип требует получения справедливой доли от социальных взаимодействий на основании индивидуальных заслуг и качества выполненной работы. Эта категория оправдывает неравенство, если оно основано на честных правилах. Несоблюдения принципа честности квалифицируется как эксплуатация [Европейский учебник web, 140–141, 145–149] или обман (например, допинг в спорте).

3. Забота о благополучии (welfare, well-being) индивида

Этот принцип фиксирует необходимость непричинения вреда (физическому и психологическому здоровью человека), а также проявления благодеяния по отношению к другому. Содержание принципа заботы пересекается с содержанием принципа равноправия (например, с его требованием обеспечения правом на личную неприкосновенность). Однако справедливость как равенство акцентирует внимание на том, что для соблюдения норм непричинения вреда и благодеяния не должно делаться исключений на основании групповых различий.

Важно также отметить, что ключевой чертой личности является ценностное отношение к своей жизни [Quante 2010, 35, 115], что находит отражение в самоуважении: ощущении гордости за свое существование. Нарушение этого отношения причиняет травму индивиду, поэтому долгом является поддержание этого чувства, а намеренное причинение ущерба чувству самоуважения обычно квалифицируется в судебной практике как «унижение чести и достоинства».

4. Уважение к личности

В знаменитом Бельмонтском докладе respect for persons связывалось с уважением к свободе личности и необходимостью защиты уязвимых лиц [Belmont report web]. Поскольку эти требования сегодня отражены в других принципах (автономия, непричинение вреда), то для этого понятия я зарезервировал долг по проявлению внимания к уникальности человека и обеспечения его особенной заботой. Как будет показано

ниже, «уважение к личности» или «забота» требует следования индивидуализированным идеалам дружбы, любви и корпоративного сотрудничества, противоречие которым трактуется как деперсонализация и коммодификация.

5. Автономия личности

Уважение к свободе не только запрещает принуждение, но и требует создание условий для принятия компетентного решения. Например, для автономного действия необходимо осознание индивидом воздействия традиций или психологических комплексов на его жизнь. Поэтому условием автономии является реализация идеалов Просвещения. Этот пример демонстрирует отличие уважения к автономии от соблюдения принципа равноправия (согласно которому, например, индивиду предоставляется право на свободу слова и совести), так как, например, отсутствие переводов ключевых работ по психологии или биоэтике не определяется как дискриминация.

При анализе этих категорий бросается в глаза, что они недостаточно артикулируют идею Канта о неинструментальной ценности человека, который не является эквивалентом и орудием для реализации чужих целей. Ведь принуждение, дискриминация, причинение вреда и не проявление заботы не всегда связаны с интенцией использовать другого для удовлетворения своих потребностей или с восприятием его как объекта. Например, если какой-то группе несправедливо будет закрыт доступ к определённым профессиям, то здесь имеет место дискриминация, но нет факта использования людей в корыстных целях. Поэтому мое предложение – квалифицировать как оскорбление человеческого достоинства только обращение с индивидом как с вещью. Что касается долга по поддержанию у другого чувства собственной значимости, то он связан с принципами заботы или благодеяния и непричинения вреда. Поэтому прагматичнее использовать категорию «достоинство человека» для работы с проблемой, которую не фиксируют четко другие термины, а не плодить ненужные синонимы.

2. Уважение к достоинству человека как признание его не-инструментальной ценности

2.1. Критика опредмечивания человека в западной культуре

Выбранная стратегия отвечает представлениям как академического, так и повседневного общества. Так, М. Хайдеггер показал, что спецификой современной философии является демонстрация отличия бытия субъекта от вещи. До этого он понимался как творение (тварь, утварь), созданное божественным Творцом из материала (материи) или из ничего согласно своему замыслу (идеи). В такой системе координат действовал закон «сущность предшествует существованию» (всё, что есть, лишь актуализирует идеи), в свете которого жизнь человека воспринималась как вариация родовых характеристик [Хайдеггер 2001, 99–160]. Долг субъекта тогда заключался в том, чтобы соответствовать замыслам Бога о своих изделиях. Отказ от этой парадигмы² сделал возможным согласно тексту «Экзистенциализм – это гуманизм» Ж.-П. Сартра присвоение человеку достоинства. Соответственно, наличие объективирующих отношений между людьми квалифицируется сегодня как моральная патология как объективация того, что по своей природе не является объектом [Nussbaum 1995, 257].

Поэтому, согласно А. Хоннету, понятие реификации (опредмечивания, овещнения, *Verdinglichung*) играло ведущую роль в (неомарксистской) критике культуры, в которой доминирующими стали холодная целерациональность и инструментальный разум. Реификация – это обращение с человеком как с оцепенелым, безжизненным объектом и бесчувственным автоматом. Это происходит в рамках таких капиталистических отношений, в которых эгоцентричные участники интересны друг другу лишь как источник прибыли [Honneth 2008, 17–25]. Реификация не ограничивается маркетизацией. Она проявляется в забвении основ социальной жизни: ангажированного вовлечения, эмпатии и заботы. Вместо этого индивиды взаимодействуют на основе установок теоретической незаинтересованности, бесстрастности и социального аутизма (неспособности понимать чувства другого и его обоснованные претензии к нам) [*Ibid.*, 24–40, 52–63].

Схожие идеи господствуют и в среде «профанов», осуждающих потребительское отношение к человеку. Поэтому в массовой культуре регулярно выходят произведения, в которых критически представлено обращение с человеком лишь как с игрушкой, товаром, расходным материалом, подопытным кроликом. Например, в фильмах «Остров» (2005) и «Не отпускай меня» (2010) показано, как человеческих клонов низводят до уровня страховочного изделия, удел которого – поставлять органы для «оригиналов». Или в качестве примера упомянем альбом «Master of Puppets» («Кукловод») трэш-металлической группы Metallica и его песню «Disposable Heroes» («Одноразовые герои»), в которой артикулируется объективирующее отношение генералов к своим подчиненным.

Неудивительно, что общественный резонанс вызвали проведение неэтичных медицинских опытов, жуткими примерами которых были эксперименты в нацистской Германии или американское исследование сифилиса Таскиги (в рамках которого темнокорых участников опыта намеренно не лечили от сифилиса, чтобы выяснить природу протекания этой болезни).

Также большую озабоченность общественности вызывает порнофицированная эстетика, в рамках которой женщина изображается как сексуальный объект [Ролдугина web; Walter 2011]. Например, в песнях «Pleasure Slave» («Рабьяня удовольствия», 1988) и «Turn me on» («Возбуди меня», 1983) хэви-металлических групп Manowar и Accept женщина представлена лишь как средство для удовлетворения мужских желаний. Поэтому российское издание журнала Psychologies публикует рецензию на книгу «Перверсии» С. Бенвенуто, согласно которой сексуальным извращением сегодня является «желание использовать другого в качестве инструмента для получения наслаждения» [Росохин 2016, 138].

2.2. Анализ объективации в феминизме и биоэтике

Таким образом, сегодня существует консенсус по поводу неприемлемости опредмеченного отношения к человеку. Рассмотрим более подробно этот феномен. Так как субъект различным образом отличается от вещи, то М. Нуссбаум выделяет семь способов объективации, подчеркивая, что не все они могут применяться в процессе опредмечивания, и указывая на отсутствие структурной взаимосвязи между ними (использование одного не приводит к использованию другого) [Nussbaum 1995, 257–265].

1. Инструментализация

Эта объективация заключается в обращении с человеком как с подручным средством. Правда, сразу выясняется, что многие взаимодействия включают в себя использования другого лица, поэтому нужно различать его приемлемые и неприемлемые формы. Нуссбаум предлагает термины позитивной и негативной объективации; в немецкой биоэтике аморальная объективация обозначается как полная инструментализация (die vollständige Instrumentalisierung), а этическая – как частичная [Das Deutsche Referenzzentrum web]. Для негативной объективации характерно то, что к субъекту относятся *лишь* как к средству, а для позитивной – что к индивиду относятся как к средству и *одновременно* как к цели [Wilkinson 2010, 134–135].

С. Уилкинсон подчеркивает отличие инструментализации от эксплуатации. «Эксплуатация» является несправедливым использованием человека, из чего он получает меньшую выгоду. Обычно к ней приводит уязвимое положение субъекта, из-за чего он соглашается на плохую сделку. Аморальная инструментализация – это «wrongful use exploitation», в рамках которой с личностью обращаются лишь как с инструментом. Это может принимать форму сексуальной объективации женщин, на которую указывают не только феминистки³ и примером которой является изнасилование. *«Это неприемлемо использовать человека лишь как инструмент таким способом, так как человека не должны использовать лишь как инструмент. Уважение к достоинству человека препятствует этому. Было бы немного необычным поместить пенис в дупло дерева, но, я думаю, никто бы не назвал это оскорблением достоинства дерева. Напротив, женщина обладает сознанием (sentience), воображением, эмоциями и способностью размышлять и делать выбор. Принуждение ее к половому*

акту неприемлемо и является неуважением достоинства, которым обладают эти способности» [Nussbaum 2008, 359].

2–4. Отрицание автономии, принуждение к пассивности и отношение собственности

Нуссбаум отмечает принуждение как один из видов объективации, хотя оно не всегда связано с инструментализацией. Также отрицание автономии (в виде патернализма) может быть оправданным действием, например, в процессе воспитания детей. Неприемлемым видом принуждения является низведение человека до статуса объекта собственности. Также осуждению подлежит обращение с человеком как с пассивным, инертным существом⁴ и принуждение к молчанию (silencing) [Papadaki 2010 web].

5. Насилие

С человеком обращаются как с вещью, когда проявляют неуважение к его телесной неприкосновенности (bodily integrity), не проявляют заботу о его здоровье и считают оправданным причинение вреда. При этом применение насилия (например, убийство в целях самозащиты) не всегда связано с желанием использовать другого как средство.

6. Отрицание субъективности

Эта объективация представляет собой игнорирование чувств⁵, ментальных переживаний другого лица, а также невнимание к его личному опыту⁶. Она может выражаться в равнодушии к проблемам нищих, поскольку они воспринимаются как бесполезные наличные объекты. В некоторых случаях она проявляется в виде излишнего внимания к красоте женщины, что трактуется как пренебрежение к ее личности и интеллекту [Nussbaum 1995, 271–272]. Например, если женщина собирается на собеседование, а ей советуют: «Зачем вам туда идти? Пришлите лучше свои фото, и вас сразу возьмут на работу», то это может быть квалифицировано как умаление ее профессиональных качеств и даже как дискредитация (намек на то, что она добивается всего нечестным способом, эксплуатируя свою сексапильность)⁷. Поэтому объективацией были также признаны редукция к частям тела и редукция к внешности [Papadaki 2010 web].

При этом внимание к субъективности другого не означает отсутствия инструментализирующего отношения к нему⁸. Например, ранее коммуникация между мужчиной и женщиной строилась так, что первый в разговоре демонстрировал свои успехи, интеллект и чувство юмора, а вторая должна была это одобрительно поддерживать. Но гендерная революция XX в. привела к тому, что теперь от мужчин требуется проявлять интерес к жизни женщины, умение слушать и задавать вопросы («Как прошел твой день?», «На какую тему ты пишешь курсовую в колледже?», «Как интересно! Я сейчас понял, что я о тебе ничего не знаю!»). Однако такое внимание может быть совместимым с восприятием женщины лишь как сексуального объекта, как показано в эпизоде № 18 сериала «Футурама» или в молодежной комедии «Американский пирог» (1999). А в сериале «Теория большого взрыва» (11 сезон, 5 серия) демонстрируется, как можно манипулировать субъектом с помощью пособий, советуя обращать внимание на чувства ребенка. Надо умело использовать такие фразы, как: «Я знаю, что ты чувствуешь»; «Я горжусь тем, как ты проявляешь свои эмоции»; «Это нормально злиться, когда всё идет не так, как ты хотел».

7. «Взаимозаменизация» и коммодификация

Эти практики являются нарушением максимы о том, что с индивидом не нужно обращаться как с эквивалентом. Нуссбаум понимает эту объективацию как отрицание индивидуальности [Nussbaum 1995, 265], а Уилкинсон – как коммодификацию. Ее чертами являются инструментализация и коммерциализация субъекта, его измерительную оценку согласно некоей объективной шкале и «взаимозаменизация» (fungibilization), в результате которой становится неважным, какой именно индивид выполнит для вас полезные действия [Wilkinson 2003, 45–49]. Такой смысл объективации, с одной стороны, является понятным для повседневного человека. Многие сегодня считают неподлинными дружбу и любовь, когда индивиды прерывают отношения, поскольку нашли себе эквивалентную замену. С другой стороны, возникают сложности с применением этого концепта к взаимодействиям, не основанным на симпатии. Ведь приемлемым

считается отсутствие близких отношений в рамках рыночных интеракций, когда не-принципиальным является, кто именно вас обслужит в баре или магазине.

Также проблематичным является определение противоположности коммодификации: уважение к уникальности личности. Уилкинсон указывает, что мы можем определить это понятие как претензию на *specialness*, специфический статус в рамках особых отношений [Wilkinson 2010, 141–145]. В таком случае некоммодифицирующее отношение означает, что для данного индивида следует делать исключения из правил, так как в силу своей уникальности он заслуживает особого отношения. Например, если упал спрос на услуги профессора, то он считает вправе ожидать, что университет, которому он прослужил верой и правдой, изыщет возможность оставить его в деле. В противном случае звучат обвинения: человека использовали, когда он был в расцвете сил, а потом поменяли на более современную модель. При этом объективно решить, кто прав в этой ситуации, не представляется возможным.

2.3. Отличие инструментализации от эксплуатации, деперсонализации и коммодификации

Итак, феномен объективации принимает самые разные формы, которые основаны на нарушении различных принципов. Важно разобраться, какой именно принцип нарушается в том или ином случае еще и потому, что принципы имеют разное функциональное значение. Так, следует различать:

А. Первичные и вторичные принципы

Например, уважение к «естественности» и «природе человека» является вторичным принципом, поскольку биология представляет ценность лишь в той мере, в какой она обуславливает автономное и личностное бытие индивида [Bayertz 2005]. Поэтому трансгуманное улучшение генетики человека оправданно, если в результате этой процедуры он не утрачивает способность быть автономной личностью.

Б. Абсолютные и относительные принципы

Последние принципы могут быть ограничены, поскольку более важным оказывается другая ценность. Например, автономия является первичным принципом, но со времен работы «О свободе» Дж.Ст. Милля отмечается, что принуждение может быть оправданным, если действия индивида несут угрозу вреда для других лиц.

В. Обязательные принципы и желательные идеалы

Так, Уилкинсон отмечает, что сегодня является лишь желательным, чтобы взаимодействие с другими происходило на основе индивидуализированных и персонализированных идеалах [Wilkinson 2010, 140]. Что касается запрета на полную инструментализацию человека, то он претендует на первичный, обязательный и абсолютный статус. Ведь нет оправданных исключений для невыполнения второй формулировки категорического императива Канта.

Итак, в случае с *ограничением свободы* мы, очевидно, имеем несоблюдение принципа уважения к автономии. *Насилие* является невыполнением заботы о благополучии индивида в виде причинения вреда, которое может быть оправданным в некоторых случаях (аборт из-за патологий у плода [Тетёркин 2014]). *Отсутствие солидарности с обездоленными* людьми следует квалифицировать как невыполнение элементарной заботы, а также как дискриминацию, если причиной равнодушия является ксенофобия. *Эксплуатация* представляет собой нарушение принципа честности.

Что касается *деперсонализации и коммодификации*, то их «грех» заключается, прежде всего, в невыполнении принципа «уважения к личности», который, согласно моему предложению, следует понимать как оказание заботы в рамках специфических отношений (дружба, любовь, родительство, демократическое сотрудничество) согласно индивидуализированным идеалам. При этом нет уверенности в том, что эти нормы должны быть обязательными для всех, так как им в основном следуют представители креативного класса.

Например, социолог А. Хохшильд так описывает разные модели воспитания детей. Средний класс обычно использует «персональную систему контроля», в рамках которой ребенку постоянно сообщается, что «*твои чувства имеют значения, потому*

что другим важна твоя внутренняя личность». Поэтому «персональный ребенок» обладает выбором, на его эмоции обращают внимание, и в то же время его учат понимать чувства других и уметь находить компромиссы. В семьях низших классов используется «позициональная система контроля», когда ребенку приказывают делать то, что нужно, не обращая внимания на его чувства. Поэтому на вопрос «Если мне не нравится целовать дедушку, почему я должен это делать?» ответ «креативных» родителей: «Я знаю, что тебе это не нравится. Но дедушка тебя очень любит. А сейчас он плохо себя чувствует. Поэтому ничего страшного не будет для тебя, если ты его поцелуешь». Ответ же родителей из «низшей» среды будет примерно таким: «Все нормальные дети целуют своих дедушек. И ты должен это делать» [Hochschild 2003, 156–159].

В итоге остался случай *полной инструментализации*, который и предлагается обозначить как *неуважение к достоинству человека*. Что такое полная инструментализация? Кант в «Метафизике нравов» проясняет этот момент на примере секса. В рамках любых сексуальных отношений тело другого используется как средство для получения выгод (прежде всего, наслаждения). Исправлением этой «недостойной» ситуации является не celibat, а возможность другого лица также извлечь «прибыль» из полового акта, что, по Канту (в силу предрассудков того времени), возможно было лишь в пожизненном браке [Nussbaum 1995, 268–269]. То есть *уважение к человеческому достоинству* проявляется в *ситуации взаимного использования*, в рамках которого участники *извлекают (хоть какую-то) пользу для себя*. Лишь тогда они относятся друг к друг одновременно и как к средству, и как к цели.

Или другой пример. Для спасения ребенка родителям нужно произвести малыша, который для первого послужит донором биоматериалов [‘Saviour sibling’ web]. Если в результате этих действий новому ребенку не причиняется ущерб и он становится полноправным членом семьи, то это приемлемая инструментализация. При этом выгоду (benefit, gain) следует понимать в широком смысле (не только в эгоцентричном и материальном) и считать такой то, что *вносит вклад в реализацию значимых целей субъекта* [Wilkinson 2003].

К упомянутым выше примерам неуважение достоинства человека (рабство, изнасилование, аморальные медицинские опыты) можно добавить следующие практики инструментализации: манипуляция; получение сексуального наслаждения при эгоцентричном игнорировании интимных потребностей партнера; использование детей для заключения выгодных родителям браков; использование людей в качестве «живых щитов» и «пушечного мяса»; продажа бесполезных и даже вредных для потребителя товаров и услуг; попытка работодателя уклониться от оплаты труда работников⁹.

В этой связи интерес представляет законодательство (например, белорусское или немецкое), которое разрешает аборт, но запрещает использовать человеческие эмбрионы как объекты для медицинских опытов. Кажется, что было бы логичным использовать организм, которому отказали в праве на жизнь, для прогресса науки. Однако в таком случае происходит унижение человеческого достоинства (права не быть лишь средством), которое такое законодательство присваивает любому человеческому организму.

2.4. Отличие принципа уважения к достоинству человека от принципа благодеяния

Признание, что уважение к достоинству человека требует, чтобы инструментализованный субъект извлекал пользу из этого состояния, приводит к вопросу о том, чем уважение к достоинству отличается от заботы о благополучии, и в частности от ее позитивной формулировки: благодеяния. Ведь последнее определяется как обязательство помогать другому лицу, способствовать реализации его важных интересов [Beauchamp, Childress 1994, 259–271]. Отличия состоят в следующем.

Во-первых, термин «благодеяние» имеет альтруистические коннотации (проявление любви, гуманности, милосердия) и связан с регулированием ситуаций, в которых помогающий субъект не заинтересован в извлечении пользы. Со своей стороны, уважение достоинства человека является регулирующим принципом для ситуаций инструментализации субъектов, который (вместе с принципом честности) требует, чтобы эти отношения заканчивались взаимовыгодным сотрудничеством.

Во-вторых, принцип благодеяния обычно задействуется, когда другой находится в бедственном положении. Тогда обязательства связаны с необходимостью предотвращения страданий и оказание помощи в кризисной ситуации. По отношению к благополучным субъектам этот принцип требует проявления элементарной любезности и небольшой помощи. В свою очередь принцип уважения к человеческому достоинству нацелен на то, чтобы все участники инструментализирующего взаимодействия реализовывали свои цели, которые не ограничиваются преодолением кризиса и страданий.

Заключение

Итак, сегодня с помощью понятия «достоинство человека» мы можем зафиксировать следующий важный момент. *Необходимо ценить то, что каждый человек стремится к собственному благу (счастью) и появился на свет не для того, чтобы быть лишь орудием для чужих целей. Уважение к достоинству человека запрещает тогда подвергать его полной объективации и требует, чтобы любое использование субъекта приносило ему хоть какую-то пользу.*

При этом такое понимание достоинства человека не означает отказ от использования других принципов. Признавая, например, что данный случай инструментализации совместим с уважением достоинства человека, мы должны также оценить, насколько такое использование было совместимо с принципами непричинения вреда, уважения к автономии, а также не представляло ли оно собой эксплуатацию, не позволившую жертве получить справедливую долю прибыли.

Конечно, основные трудности возникают при применении принципов к конкретным ситуациям [Nussbaum 1998; Тетёркин web]. Однако для возможности рациональных дискуссий первым шагом является определение ключевых терминов, что автор и попытался сделать.

P.S. Автор выражает благодарность директорам и преподавателям проекта «Advanced Certificate Program in Research Ethics for Central and Eastern Europe» (Clarkson University, Vilnius University), участие в котором помогло в написании этой работы.

Примечания

¹ Ю. Хабермас провел различие между правами на «die Unantastbarkeit der Person» (неприкосновенность личности) и на «die Unverfügbarkeit ihres natürlich-leiblichen In-der-Welt-Seins» (неподчиненность другим естественно растущего модуса ее телесного воплощения) [Хабермас 2002, 32].

² Начало это культурной революции обычно связывают с выходом «Речи о достоинстве человека» (1496) Джованни Пико делла Мирандолы.

³ «Добрая супруга и добрая мать – вот честь, которую мужчина предоставлял женщине. Причем, если судить по словарю рабочих и ремесленников XV века, честь нередко оборачивалась несчастьем. Ибо они утверждали, что “ездят на женщинах верхом”, “препираются” с ними, “царапают” их, “стегают” (бьют или колотят). “Мужчина идет к женщине, как он идет по нужде: удовлетворять свою потребность”, – заключает Жак Россио» [Ле Гофф, Трюон 2008, 52].

⁴ В эпоху дисциплинарной власти с работником обращались как с послушным телом, что подразумевало лишение субъекта инициативы: от него требовалось лишь автоматическое исполнение приказов. Однако это не квалифицируется Нуссбаум как принуждение к пассивности [Nussbaum 1995, 263].

⁵ Нужно иметь в виду культурную трансформацию в понимании эмоций. Последние сегодня трактуются не как иррациональные страсти, а как то, что артикулирует индивидуальную и ценностную перспективу субъекта [Hochschild 2003, 24–34; Nussbaum 2004].

⁶ Осуждение деперсонализации стало происходить благодаря процессам индивидуализации (У. Бек) и психологизации (Н. Элиас), из-за чего эмпатия и доверие к своим эмоциям стали важнейшими добродетелями. Поэтому, сегодня критически отмечается, что «большинство учит детей игнорировать чувства, ориентироваться на внешнюю инструкцию, а не на свои внутренние переживания» [Легостаева 2014, 49]. Персонализация считается важной и для корпоративных отношений: начиная с 1920-х гг. XX века менеджмент «эмоционального капитализма» основывается на необходимости обладать эмоциональным интеллектом и ценить индивидуальные особенности сотрудников [Ilouz 2007, 10–24, 62–67].

⁷ Нуссбаум подчеркивает, что всё здесь зависит от ситуации. В определенном контексте этот совет может быть воспринят как приемлемая форма флирта и как искусная попытка ухаживания.

⁸ И, наоборот, отсутствие инструментализирующего обращения не приводит автоматически к формированию персонализированных отношений.

⁹ С учетом того, что обычно человек не согласится стать лишь средством для удовлетворения чужих потребностей, аморальная инструментализация часто сопровождается принуждением и насилием. Многие проступки (например, сексуальное домогательство) основаны на нарушении нескольких принципов.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Гоббс 1991 – Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Пер. А. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991 (Hobbes Th. *Leviathan or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil*. Russian translation).

Хабермас 2002 – Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? Пер. М. Л. Хорькова. М.: Весь мир, 2002 (Habermas J. *Die Zukunft der menschlichen Natur: Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik?* Russian translation).

Хайдеггер 2001 – Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. Пер. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001 (Heidegger M. *Die Grundprobleme der Phänomenologie*. Russian translation).

Primary Sources

Belmont Report (web) *Ethical Principles and Guidelines for the Protection of Human Subjects of Research*, <https://www.hhs.gov/ohrp/regulations-and-policy/belmont-report/read-the-belmont-report/index.html>

Ссылки – References in Russian

Европейский учебник (web) – Европейский учебник по исследовательской этике // http://bioethics.uniongraduatecollege.edu/nih-grants/curriculum/pdf/European_textbook_on_ethics_in_research-Russian.pdf.

Ле Гофф, Трюон 2008 – Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века. Пер. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008.

Легостаева 2014 – Легостаева А. Воспитание чувств // *Cosmopolitan Психология*. 2014. № 1. С. 48–50.

Ролдугина web – Ролдугина И. Что такое объективация? // <https://postnauka.ru/faq/47807>

Росохин 2016 – Росохин А. Перверсии Серджио Бенвенуто // *Psychologies*. 2016. № 12. С. 138.

Тетёркин 2014 – Тетёркин А. Морально ли (не) родить ребёнка-инвалида в эпоху позднего модерна? // *Топос*. 2014. № 2–3. С. 69–107.

Тетёркин web – Тетёркин А. Что такое объективация? Когда кто-то кого-то поимел // <http://kyky.org/sex/chto-takoe-ob-ektivatsiya-kogda-kto-to-kogo-to-poimel>

References

Andorno, Roberto (2009) “Human Dignity and Human Rights as a Common Ground for a Global Bioethics”, *Journal of Medicine and Philosophy*, Vol. 34, No. 3, pp. 223–240.

Andorno, Roberto and Pele, Antonio (2015 web) “Human Dignity”, H. ten Have (ed.) *Encyclopedia of Global Bioethics*, Springer, pp. 1–11, https://www.researchgate.net/publication/302397311_Human_Dignity

Bayertz, Kurt (2005) “Die menschliche Natur und ihr moralischer Status”, Bayertz, Kurt (Hsrg.) *Die menschliche Natur. Welchen und wieviel Wert hat sie?*, Paderborn, pp. 9–31.

Beauchamp, Tom L. and Childress, James F. (1994) *The Principles of Biomedical Ethics*, Oxford University Press, Oxford.

Beyleveld, Deryck and Brownsword, Roger (2002) *Human Dignity in Bioethics and Biolaw*, Oxford University Press, Oxford.

Birnbacher, Dieter (2005) “Human Cloning and Human Dignity”, *Reproductive BioMedicine Online*, Vol. 10, Suppl. 1, pp. 50–55.

Das Deutsche Referenzzentrum für Ethik in den Biowissenschaften “Instrumentalisierung” (web), <http://www.drze.de/im-blickpunkt/pid/module/instrumentalisierung>

- Dworkin, Ronald (1993) *Life's Dominion: an Argument about Abortion, Euthanasia and Individual Freedom*. Harper Collins Publishers, London.
- European Textbook on Ethics in Research (2010 web), http://bioethics.uniongraduatecollege.edu/nih-grants/curriculum/pdf/European_textbook_on_ethics_in_research-Russian.pdf (Russian translation).
- Haker, Hille (2003) "Feministische Bioethik", Düwell, Marcus und Steigleider, Klaus (Hrsg.), *Bioethik. Eine Einführung*, Suhrkamp, Frankfurt am Main, pp. 168–183.
- Hochschild, Arlie R. (2003) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*, University of California Press, Berkley, Los Angeles, London.
- Honneth, Axel (2008) *Reification: a New Look at an Old Idea*. Oxford University Press, Oxford.
- Illouz, Eva (2007) *Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism*, Polity Press, Cambridge.
- Kuçuradi, Ioanna (2018 web) The Concept of Human Dignity and Human Rights, http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1952&Itemid=52
- Le Goff, Jacques; Truong, Nicolas (2003) *Une histoire du corps au Moyen Âge*, Liana Levi, Paris (Russian translation).
- Legostaeva, Alena (2014) "Emotion Education", *Cosmopolitan Psikhologija*, Vol. 1 (2014), pp. 48–50 (in Russian).
- Macklin, Ruth (2003) "Dignity is a Useless Concept: It Means No More Than Respect for Persons or Their Autonomy", *British Medical Journal*, Vol. 327, pp. 1419–1420.
- Nussbaum, Martha C. (1995) "Objectification", *Philosophy and Public Affairs*, Vol. 24, No. 4, pp. 249–291.
- Nussbaum, Martha C. (1998) "'Whether from Prejudice or Reason': Taking Money for Bodily Services", *Journal of Legal Studies*, Vol. 27, 1998, pp. 693–724.
- Nussbaum, Martha C. (2004) "Emotions as Judgments of Value and Importance", Solomon, Robert C. (Ed.), *Thinking about Feeling. Contemporary Philosophers on Emotions*. Oxford University Press, Oxford, pp. 183–199.
- Nussbaum, Martha C. (2008) "Human Dignity and Political Entitlements", *The President's Council on Bioethics, Human Dignity and Bioethics: Essays Commissioned by the President' Council on Bioethics*, D.C: www.bioethics.gov, Washington, pp. 351–380.
- Papadaki, Evangelia (2010 web) *Feminist Perspectives on Objectification*, <https://plato.stanford.edu/entries/feminism-objectification/>
- Roldugina, Irina (web) *What is Objectification?*, <https://postnauka.ru/faq/47807> (in Russian).
- Rossochin, Andrei (2016) "Sergio Benvenuto's Perversions", *Psychologies*, Vol. 12 (2016), p. 138 (in Russian).
- Quante, Michael (2010) *Menschenwürde und personale Autonomie. Demokratische Werte im Kontext der Lebenswissenschaften*, Felix Meiner Verlag, Hamburg.
- "'Saviour sibling' born to Fletcher family" (web), *BioNews 317*, https://www.bionews.org.uk/page_89745
- Schulman, Adam (2008) "Bioethics and the Question of Human Dignity", *The President's Council on Bioethics, Human Dignity and Bioethics: Essays Commissioned by the President's Council on Bioethics*, D.C: www.bioethics.gov, Washington, pp. 3–18.
- Tsiatserkin, Andrei web *What is Objectification? When One Person Abuses Another*, <http://kyky.org/sex/chto-takoe-ob-ektivatsiya-kogda-kto-to-kogo-to-poimel> (in Russian).
- Tsiatserkin, Andrei (2014) "Is it Moral (not) to Give a Birth to a Disabled Child during the Epoch of Late Modernity?", *Topos*, Vol. 2–3 (2014), pp. 69–107 (in Russian).
- The Declaration of Helsinki (1964 web) "Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects", https://www.wma.net/polic_jüies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/
- Walter, Natasha (2011) *Living Dolls. The Return of Sexism*, Virago Press, London.
- Wilkinson, Stephen (2003) *Bodies for Sale: Ethics and Exploitation in Human Body Trade*, Routledge, London.
- Wilkinson, Stephen (2010) *Choosing Tomorrow's Children. The Ethics of Selective Reproduction*. Oxford University Press, Oxford.

Сведения об авторе

ТЕТЁРКИН Андрей Александрович – магистр философии, преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета.

Author's Information

TSIATSERKIN Andrei A. – Master in Philosophy, Teacher of the Department of Philosophy and Polytoogy, Belarusian State Medical University.